

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР
СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА (на примере
Ирана и Саудовской Аравии)**

Мирзабеков Хусан Улугбекович

Ташкентского государственного университета востоковедения

Исследователь

husan190619@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-3398-6565>

Аннотация *Статья анализирует трансформацию экономического и энергетического сотрудничества Китайской Народной Республики со странами Ближнего Востока в контексте глобализации, глобального энергоперехода и стратегии достижения углеродной нейтральности КНР к 2060 году. На примере Ирана и Саудовской Аравии рассматриваются механизмы обеспечения энергетической безопасности Китая, роль инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП/BRI), 25-летнего всестороннего стратегического партнерства с Ираном, синергии BRI с программой Vision 2030 Саудовской Аравии, а также место региона в более широком евразийском контексте Большого Евразийского партнерства (БЕП). Несмотря на санкции против Ирана и региональную напряженность, Китай остается крупнейшим импортером ближневосточной нефти (около 45–50 % импорта), сочетая традиционные поставки углеводородов с инвестициями в нефтехимию, инфраструктуру, возобновляемые источники энергии и «зеленые» технологии. На основе данных 2023–2026 гг. показано, что сотрудничество эволюционирует от сырьевого обмена к комплексному стратегическому партнерству, способствующему диверсификации экономики региона и энергетической безопасности КНР. Выявлены достижения (рекордные BRI-инвестиции в энергетику региона — свыше 71 млрд долл. в 2025 г.), вызовы (геополитические риски, ограниченная реализация обещанных инвестиций в Иране) и перспективы в рамках БЕП и ШОС.*

Ключевые слова: *КНР, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, энергетическое сотрудничество, инициатива «Один пояс, один путь», энергопереход, углеродная нейтральность, Vision 2030, Большое Евразийское партнерство (БЕП), ШОС.*

Введение В настоящее время очень актуален вопрос взаимодействия КНР со странами Ближнего Востока в условиях глобализации и глобального

энергоперехода. Для долгосрочного сотрудничества Китай стремится создать устойчивые отношения с ключевыми энергетическими державами региона и заложить основу для взаимовыгодного партнерства. Отношения КНР и Ближнего Востока продолжают динамично развиваться, несмотря на геополитические вызовы.

В условиях современной глобализации торгово-экономическое партнёрство становится ключевым фактором устойчивого развития государств и регионов. Усиление взаимозависимости национальных экономик, развитие международной торговли и инвестиционных потоков, а также технологическая трансформация мировой экономики способствуют формированию новых форм сотрудничества между странами[1].

Особое значение в этом контексте приобретает развитие торгово-экономических связей между ведущими мировыми и региональными акторами, в частности между Китаем и странами Ближнего Востока. Эти отношения характеризуются высокой динамикой и стратегической значимостью, поскольку сочетают в себе взаимодополняемость экономических структур: ресурсную базу стран региона и промышленно-технологический потенциал Китая.

Важную роль в углублении сотрудничества играет Belt and Road Initiative, направленная на расширение торговых маршрутов, развитие инфраструктуры и создание благоприятных условий для инвестиций[2].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа ключевых направлений торгово-экономического партнёрства, а также оценки его перспектив в условиях глобальных трансформаций.

Ближний Восток стал важным регионом, привлекающим внимание мировых экономических и политических игроков, среди которых особое место занимает Китайская Народная Республика (КНР). Проекты КНР в области регионального экономического развития, таких как Саудовская Аравия и Иран, представляют собой не только экономические инициативы, но и стратегические шаги по укреплению влияния Китая в богатом ресурсами регионе.

Ближний Восток обладает огромными запасами углеводородов (более 48 % мировых запасов нефти) и стратегическим географическим положением. В 2024–2025 гг. торговля Китая со странами региона превысила 400 млрд долл. США. Совокупный объем китайских инвестиций и строительных контрактов в регионе с 2005 года превысил 269 млрд долл[3]. (Саудовская Аравия — около 82 млрд долл., Иран — 25 млрд долл.). В рамках Большого Евразийского партнерства (БЕП) и ШОС регион играет важную роль в создании единого евразийского пространства развития, стабильности и процветания.

Основная часть

Торгово-экономическое партнёрство между государствами развивается по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых отражает современные тенденции мировой экономики.

Прежде всего, значительное место занимает развитие внешней торговли. Увеличение объёмов экспорта и импорта, диверсификация товарной структуры и расширение рынков сбыта способствуют укреплению экономических связей между странами. В последние годы наблюдается рост не только сырьевого обмена, но и торговли промышленной и высокотехнологичной продукцией, что свидетельствует о переходе к более сложным формам взаимодействия.

Вторым важным направлением является инвестиционное сотрудничество. Прямые иностранные инвестиции играют ключевую роль в модернизации национальных экономик, развитии инфраструктуры и внедрении инновационных технологий. В рамках международного партнёрства создаются совместные предприятия, индустриальные зоны и инвестиционные фонды, что способствует углублению экономической интеграции.

Третьим направлением выступает развитие инфраструктуры и логистики. Строительство транспортных коридоров, портов, железных дорог и логистических центров обеспечивает эффективное перемещение товаров и снижает издержки международной торговли. В этом контексте особое значение имеют крупные инфраструктурные проекты, реализуемые в рамках BRI, которые способствуют интеграции регионов в глобальные цепочки поставок.

Кроме того, важным аспектом является сотрудничество в сфере технологий и инноваций. Обмен знаниями, внедрение цифровых решений, развитие электронной коммерции и «умных» технологий открывают новые возможности для экономического роста и повышения конкурентоспособности стран.

Перспективы торгово-экономического партнёрства связаны с дальнейшей диверсификацией экономики, развитием «зелёной» энергетики, цифровой трансформацией и расширением финансового взаимодействия. Особую роль играет переход к расчётам в национальных валютах, что способствует снижению зависимости от внешних финансовых центров.

Вместе с тем, развитие партнёрства сталкивается с рядом вызовов, включая геополитическую нестабильность, торговые ограничения, санкционные режимы и конкуренцию со стороны других мировых игроков. Однако при наличии взаимной заинтересованности и прагматического подхода данные препятствия могут быть преодолены.

Таким образом, торгово-экономическое партнёрство продолжает развиваться как многогранная и динамичная система взаимодействия, обладающая значительным потенциалом для устойчивого роста и углубления международного сотрудничества.

Обзор литературы Вопросы экономического и энергетического сотрудничества КНР и Ближнего Востока широко освещены в научной литературе. Отчеты Green Finance & Development Center (BRI Investment Report 2025) подчеркивают лидерство региона по объемам контрактов ОПОП[4]. Работы USCC (China-Iran Fact Sheet 2026), Carnegie Endowment и AEI China Global Investment Tracker анализируют 25-летнее соглашение с Ираном, синергию ОПОП с Vision 2030 Саудовской Аравии и роль энергетической безопасности.

Исследования Университета Цинхуа («Долгосрочные стратегии и траектории низкоуглеродного развития Китая», 2020) и работы Mallapaty, Normile описывают сценарии энергоперехода КНР (сценарии 1,5°C и 2°C)[5], зависимость от импорта углеводородов и необходимость диверсификации поставок. Китайские и международные источники (Министерство коммерции КНР, EIA, Kpler) акцентируют «мягкую силу», инфраструктурные проекты, посредничество Китая в нормализации отношений Иран–Саудовская Аравия (2023 г.) и место региона в БЕП. В литературе отмечается сдвиг от чисто сырьевого обмена к технологическому и «зеленому» сотрудничеству.

Анализ и результаты Экономическая и энергетическая роль Ирана и Саудовской Аравии в сотрудничестве с Китаем определяется запасами углеводородов, географическим положением и потребностью в китайских технологиях и инвестициях для диверсификации экономики в условиях глобального энергоперехода.

Торговое сотрудничество и поставки энергоносителей Экспорт из КНР (машины, электроника, высокотехнологичная продукция) балансирует или превышает импорт (нефть, газ, нефтехимия). В 2024–2025 гг. товарооборот с Саудовской Аравией достиг около 108 млрд долл., с Ираном — официально 41,2 млрд долл. (с учетом неучтенной нефти — значительно выше). Китай импортирует из региона до 50 % нефти: Саудовская Аравия — традиционный поставщик (около 1,6 млн баррелей в сутки), Иран — источник дисконтированной нефти (1,38–1,55 млн баррелей в сутки, 80–90 % иранского экспорта).

Инвестиционные проекты и трансформация отрасли Китайские инвестиции сосредоточены в энергетике (включая «зеленую»), инфраструктуре и нефтехимии. В Саудовской Аравии общие расходы с 2005 г. — 82 млрд долл., значительный рост контрактов в 2024–2025 гг. (19,8 млрд долл. по строительству)[6]. Проекты синхронизированы с Vision 2030: возобновляемая энергетика, зеленый водород, NEOM, совместные предприятия с Saudi Aramco (CNPC, Sinopec). Саудовская Аравия лидирует по «зеленым» BRI-проектам (5,2 млрд долл. в 2025 г.)[6].

В Иране 25-летнее всестороннее стратегическое партнерство (2021 г.) предусматривает до 400 млрд долл. инвестиций в нефть, газ, транспорт и инфраструктуру в обмен на стабильные поставки. Фактические инвестиции скромнее (25 млрд долл. контрактов), но Китай активно участвует в разработке месторождений и портовых проектах.

КНР выступила посредником в восстановлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2023 г., что стабилизировало регион. Большинство проектов стратегические: более 90 % — в энергетике и транспорте. В рамках БЕП и ШОС (Иран — полноправный член с 2023 г., Саудовская Аравия — партнер по диалогу) развиваются транспортные коридоры, цифровое и финансовое измерение сотрудничества.

Энергопереход Китая и роль Ближнего Востока Китай, крупнейший производитель и потребитель энергии, в 2019–2020 гг. имел долю угля в энергобалансе более 56–57 %. Сценарии Университета Цинхуа (1,5°C и 2°C) предусматривают пик выбросов к 2030 г., стабилизацию потребления первичной энергии к 2035 г. и рост ВИЭ. Однако до 2050 г [7]. сохраняется значительная потребность в импорте углеводородов из Ближнего Востока для обеспечения переходного периода. Сотрудничество снижает зависимость от морских маршрутов, обеспечивает географически близкие поставки и поддерживает ОПОП как «новый Шелковый путь».

Заключение Китайские проекты на Ближнем Востоке играют ключевую роль в региональном и глобальном контексте. Инициатива «Один пояс, один путь» в сочетании с БЕП и ШОС укрепляет экономические связи с Ираном и Саудовской Аравией, создавая новые возможности для торговли, инвестиций и технологического сотрудничества. В условиях глобализации и климатических вызовов такое партнерство обеспечивает энергетическую безопасность КНР, способствует диверсификации экономики стран региона (Vision 2030 и иранские планы развития) и формирует многополярный мировой порядок. Несмотря на вызовы (санкции, напряженность), экономическое и энергетическое сотрудничество демонстрирует устойчивость и стратегическую глубину. Перспективы остаются высокими: дальнейшее развитие инфраструктуры, зеленой энергетики, IT и совместных предприятий принесет взаимную выгоду всем участникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буторина, О. В. Региональная интеграция: основные понятия / О. В. Буторина // Европейская интеграция : Учебник / Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Институт Европы РАН. – Москва : Издательский дом деловой литературы, 2011. – С. 12-30.

2. Евразийская технологическая платформа в сфере продовольственной безопасности и питания // Евразийский центр по продовольственной безопасности. МГУ имени М.В. Ломоносова. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eurfoodtech.ru/> (дата обращения: 28.03.2025).
3. Евразийские технологические платформы // Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/ETP/?ysclid=m9lavjezqh721290987 (дата обращения: 28.03.2025).
4. Еникеев, Ш. М. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях / Ш. М. Еникеев, А. В. Лукин, Д. П. Новиков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 129-148. – DOI 10.17323/1996-7845-2024-01-06.
5. Иванова, Е. М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС / Е. М. Иванова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 6. – С. 112-119.
6. Ишуков, А. А. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия / А. А. Ишуков, Е. Б. Бедрина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 80-95.
7. Кукушкина, Ю. М. Взаимосвязь региональной интеграции и глобальных цепочек создания стоимости / Ю. М. Кукушкина // Международная торговля и торговая политика. – 2016. – № 4(8). – С. 66-82.
8. Лапенко, М. В. Еуразиядағы ынтымақтастықтың жаңа моделі: «Үлкен еуразиялық серіктестік» аясындағы ЕАЭО және ШЫҰ / М. В. Лапенко // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. – 2021. – No. 2(135). – P. 95-106. – DOI 10.32523/2616-6887/2021-135-2-95-106.
9. Михалева, Т. Н. Единый рынок Евразийского экономического Союза: de jure, de facto, de lege ferenda / Т. Н. Михалева, А. М. Берман // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 62. – С. 673-688. – DOI 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688.
10. Навой, А. В. Современная региональная экономическая интеграция: основные тренды и противоречия / А. В. Навой // Деньги и кредит. – 2017. – № 4. – С. 24-32.
11. Положение о Евразийской экономической интеграции – Приложение №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/8e3543f8dc9861d6acfa6a0c6678b972da1d07d0/ (дата обращения: 15.03.2025).